

ПЕРЕД ЛИЦОМ ПЕРЕМЕН: ЕВРОПА И НЕ ТОЛЬКО

К. П. БОРИШПОЛЕЦ

НОВОЕ ЛИЦО МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ПОСТБИПОЛЯРНОГО ПРОСТРАНСТВА

*Боришполец Ксения Петровна, канд. полит. наук, вед. науч. сотр.
Центра постсоветских исследований Института международных исследований,
проф. кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: oksabor@mgimo.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу качественных изменений мировой политики 2014–2015 гг.

В течение последних двух лет система взаимодействия на международной арене испытывает значительные трудности. Противоречия, которые после окончания «холодной войны» накапливались на различных направлениях мировой политики и обычно воспринимались как латентные, со всей остротой встали на повестке дня. Отправной точкой этой трансформации стал украинский кризис. Однако дальнейшие события заставляют по-новому оценить не только его прямые последствия, но и процессы глобального уровня. К ним относятся ухудшение отношений между Россией и западными державами, рост экономического влияния крупных «незападных» рынков и усиление турбулентности в развивающихся странах. Проект однополярного регулирования, на котором продолжают настаивать США, демонстрирует свою неэффективность. Главным вопросом текущего момента является неспособность США обеспечить стабильность международной системы без реального консенсуса всех мировых держав. Наблюдается активное взаимоналожение традиционных и новейших вызовов международной безопасности, что снижает управляемость прежде всего в периферийных сегментах мирового пространства, но одновременно повышает и ее уязвимость в ключевых регионах, особенно на Ближнем Востоке и в Европе. На этой основе происходит переформатирование мирового развития, а постбиполярная мировая политика обретает новое лицо. Речь идет не о возвращении к основам «докризисного» порядка, а о пошаговом замещении односторонней американской гегемонии в принятии глобальных и региональных решений. В этой связи будут происходить углубление фрагментации мировой политики и рост конфликтности международной среды, которые продолжатся в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: мировая политика, украинский кризис, однополярная гегемония, многополярность, военно-политическая турбулентность.

Украинский кризис стал точкой бифуркации системы международных отношений, сложившейся после окончания «холодной войны». Стратегия однополярной гегемонии, которую США реализуют на протяжении двух последних десятилетий, в этот раз натолкнулась на активное противодействие российской стороны. При этом необходимо учитывать, что процесс переформатирования мировой политики находится на начальной стадии своего развития. На современном этапе ему присущи следующие черты.

«МЯГКАЯ БИПОЛЯРНОСТЬ»

В СРЕДЕ РАЗВИТЫХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СТРАН

Вмешательство США и их союзников в украинские события 2013–2015 гг. стало прямой угрозой национальной безопасности России, что предопределило ответные шаги российской стороны. Одновременно кризис на Украине показал несовершенство многосторонних механизмов урегулирования политических конфликтов в условиях отсутствия общего понимания причин указанных конфликтов и возможных совместных действий по их разрешению. В целом политика санкций, характер информационных потоков, локальные демонстрации военной силы резко усилили степень взаимного недоверия по линии «Россия – Запад» и привели к ситуации во многом типичной для периода блокового противостояния.

Тем не менее масштабная изоляция России, к которой стремятся США и их партнеры, равно как и создание коалиции государств, жестко противостоящих американской однополярной гегемонии, не стоят в повестке дня, что позволяет оценить современную обстановку как «мягкую биполярность». Ее отличие от исторического аналога заключается, во-первых, в отсутствии тотальной напряженности международного климата, во-вторых, в сохранении сотрудничества между «полюсами» по ряду кардинальных вопросов мировой политики (ядерное нераспространение, борьба с терроризмом, бедностью и организованной преступностью), в-третьих, в стремлении ряда ключевых государств, которые теоретически могли бы образовать нечто подобное антизападному блоку (прежде всего, страны БРИКС), пытаться отстаивать свои национальные интересы, не вступая в открытую конфронтацию с США и их союзниками.

Однако современный формат мировой политики определяется соотношением сил между американским и российским «полюсами» лишь отчасти. Главным вопросом текущих изменений является способность (или неспособность) США обеспечить стабильность (безопасность) международной системы без реального консенсуса всех мировых держав. Учитывая нарастание турбулентности в ряде ключевых регионов мира, рост вовлеченности Китая в процессы глобального взаимодействия, заинтересованность крупных развивающихся стран в самостоятельности на международных рынках, вероятность решения этого кардинального вопроса на условиях США, то есть при отсутствии широкого согласия с американскими претензиями на военно-политическую гегемонию, представляется маловероятной уже сейчас и будет снижаться по мере усиления многосторонних компонентов существующей системы международных отношений [4; 7].

Таким образом, украинский кризис выступает существенным, но лишь промежуточным этапом переформатирования мировой политики, новые принципы которой определятся в ближайшие два года. Пока же речь идет не о возвращении к основам «докризисного» порядка, а о пошаговом замещении односторонней американской гегемонии в принятии глобальных и региональных решений. В этой связи будут происходить углубление фрагментации мировой политики и рост конфликтности международной среды, которые продолжатся в среднесрочной перспективе.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

В ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНАХ МИРА

Процессы активного противодействия американской гегемонии происходят на фоне военно-политической турбулентности в зоне развивающихся стран. Признаки ее приближения уже наблюдались в течение последних десяти-пятнадцати лет, однако динамика воо-

руженных действий, масштабы их распространения и очевидный эффект «цепной реакции» являются беспрецедентными в современной истории. Нестабильность, хотя и в различных форматах, усиливается на всех региональных направлениях, но главным вектором ее эскалации является Ближний Восток и сопредельные с ним территории исламского мира. Последствия американской политики «смены режимов» и вызовы со стороны террористических организаций исламистского толка (запрещенная в России ИГИЛ, Аль-Каида и др., подробнее см. [2]) стали катализатором системного подрыва централизованного контроля во многих странах. Наряду с этим обострение борьбы за региональное лидерство между Ираном и Саудовской Аравией [9], «отложенная» независимость Палестины, новые внешнеполитические приоритеты Турции [5], неустойчивость обстановки в Египте, Алжире, Ираке, продолжающиеся конфликты в Сирии, Ливии и Йемене, а также угрозы режимам Саудовской Аравии и Персидского залива не позволяют рассчитывать на сохранение регионального статус-кво в пределах среднесрочной перспективы. Сложившееся соотношение сил сокращает возможности регионального регулирования со стороны США и их союзников, в том числе и Израиля [1]. В целом Ближний Восток превращается сегодня из традиционно важного элемента международного взаимодействия в решающий, поскольку именно в этом регионе существует реальная угроза синхронизации локальных страновых конфликтов в многоуровневый комплекс вооруженных действий с последующей террористической, экономической, гуманитарной проекцией на европейское, африканское и азиатское пространства [8].

Современное усиление военно-политической турбулентности в периферийных регионах мира имеет и еще одно измерение – активизацию претензий развивающихся стран на прямое участие в решении вопросов международной безопасности. Существующие форматы такого участия по линии ООН и других структур все меньше устраивают амбициозных лидеров региональных держав, которые, как например турецкий президент Р. Эрдоган, прямо выступают за изменение статуса СБ ООН. Хотя подобные высказывания часто продиктованы конъюнктурными обстоятельствами, вопрос о противоречиях по линии «Север – Юг» с международной повестки дня не снят. Неоднозначные итоги программы ООН «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ) предполагают не только повышение внимания мирового сообщества к преодолению отсталости и содействие развитию, но и углубление конкуренции индустриально развитых стран за обеспечение своего влияния в периферийных регионах. При этом, как показывает практика, все большую значимость будут приобретать двусторонние форматы отношений развитых и развивающихся стран, а расхождения между различными национальными подходами к формированию глобальной стратегии содействия развитию усилятся.

Таким образом, ситуация в периферийных регионах мира характеризуется устойчивой тенденцией к росту напряженности и сокращению ресурсов по ее блокировке. Украинский кризис стал фактором, объективно затрудняющим координацию действий постоянных членов СБ ООН по обеспечению международной безопасности. В этой связи повышаются риски приближения конфликтных очагов в исламском мире к границам как ЕС, так и постсоветских государств, причем неформальная конкуренция за его географический разворот в ближайшие годы будет продолжаться.

ДИФФУЗИЯ СФЕР ВЛИЯНИЯ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Украинский кризис стимулировал реструктуризацию разделительных линий между сферами политического и экономического влияния ведущих центров постбиполярного мира [6]. С одной стороны, продолжаются попытки США, ЕС и НАТО лишить Россию дружественного регионального окружения, а с другой – трендом последних лет стало укрепление глобальных позиций КНР и активизация российско-китайского сотрудничества на основных стратегических направлениях, в том числе и в военной сфере [3]. Одновременно происходит последовательное увеличение китайского экономического и политического присутствия в Африке и Латинской Америке, на пространстве СНГ [10], а также закрепление китайских структур на рынках ЕС и США, формирование китайского лидерства в зоне АТР. Кроме того, появились признаки ослабления напряженности в отношениях между Китаем и Индией, открывающие возможности для достижения консенсуса двух крупнейших азиатских держав по значительному кругу вопросов.

Показателем изменчивости сфер международного влияния стали вопросы диверсификации путей российского газового транзита в Европу и достижение профильных договоренностей, позволяющих компенсировать срыв первоначальных соглашений с Болгарией. Маневрируя в вопросах прокладки магистральных газопроводов, российская сторона в целом преодолевает сложности, блокирующие расширение ее экономического влияния в европейском регионе и находит дополнительные возможности для его качественного повышения.

Важным фактором современных изменений выступает и позитивное развитие многосторонних процессов с участием России по линии БРИКС, ШОС, ЕАЭС, а также двустороннее партнерство России с Ираном, рядом стран Латинской Америки, наметившееся восстановление российских позиций в зоне Ближнего Востока. Знаковым для состояния международной среды является многолетнее противостояние режима Б. Асада в Сирии агрессии радикальных исламистов, развернутой при фактической поддержке западных стран, создавших своей политикой благоприятную среду для такой агрессии [8]. Тем самым пространство для продвижения стратегии односторонней гегемонии в мире объективно сужается, поскольку тенденции регионального развития не только вступают в противоречие с западноориентированной глобализацией, но и начинают противодействовать ее рецептам в области экономики, других основных сферах международных отношений, включая международную безопасность.

Реструктуризация сфер влияния на международной арене в полной мере проявляется на уровне глобальной финансовой системы и начавшегося процесса ее «дедолларизации». В контексте объективной роли китайской экономики, роста ее инвестиционного потенциала, создания пула валютных резервов стран БРИКС, российского курса на ведение крупных экспортных расчетов в рублях и ряда других явлений, возникает новое измерение мировой финансовой архитектуры. Это заметно подрывает функциональные позиции МВФ и открывает перспективу преодоления институциональных перекосов глобальной финансовой системы в пользу интересов США.

Тенденция перераспределения сфер международного влияния в 2013–2015 гг. носит не линейный, а диффузный характер. Преобладают не фронтальные подвижки, а шаги по замещению единолично доминирующего лидера на более гибкие форматы многостороннего регулирования развития ситуации в различных зонах мирового пространства. Во многом это происходит в контексте активного противодействия стратегии глобальной гегемонии США, но отчасти также в силу попыток американского руководства повысить адаптивность своей политики к процессам в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Азии, к турбулентности в развивающихся странах (инициативы Б. Обамы по миротворчеству), на ряде прежде в различной степени заблокированных американцами направлений (Куба, Иран и даже Белоруссия).

Вместе с тем американская сторона далека от признания существенного ослабления своей глобальной гегемонии и пытается превратить урегулирование украинского кризиса в инструмент сдерживания России. Кроме того, она стремится расширить использование каналов публичной дипломатии, неправительственных акторов, потенциала «мягкой силы» для оказания давления на элиты и массовую базу политических режимов как России, так и стран ее ближайшего регионального окружения, особенно членов ЕАЭС [12]. На других направлениях американская сторона также демонстрирует концентрацию усилий по подтверждению своего статуса ведущей военно-политической силы глобального уровня, в частности на основе демонстраций силы в Персидском заливе, вокруг островов Спратли, активизации военного сотрудничества с киевским режимом, государствами Балтии и Северной Европы, присутствия в Афганистане, заявлений официальных лиц о готовности Вашингтона отвечать на нападение на любое государство НАТО, не дожидаясь консолидированного решения блока и т. д.

Диффузия сфер влияния ведет к перераспределению ресурсов сотрудничества и конкуренции на мировой арене, но их пространственное «перемешивание» находится на начальном этапе. В целом демонтаж ограничений, установившихся вокруг России в постбиполярный период, стал реальным международным процессом. Однако реальностью остается и то, что США продолжают демонстрировать стремление к односторонней гегемонии в мире, в том числе путем увеличения своего оборонного бюджета и наращивания своих военных возмож-

ностей в различных частях планеты; к тому же США остаются безусловным лидером коалиции ведущих индустриальных стран Запада и опираются на солидарность членов НАТО и ЕС. К настоящему времени не произошло раскола коалиции ведущих стран Западной Европы (ср. [11]), сложившейся вокруг США, американское лидерство, несмотря на расширение критических настроений, продолжается, сохраняется подчиненное положение германской и французской политики в системе принятия решений НАТО и ЕС. В этой связи рисками для России являются долгосрочная консервация расхождений по Крыму, периодическая блокировка выполнения Минских соглашений, попытки западных партнеров добиться от российской стороны односторонних уступок или «размена» позиций в украинском вопросе, усиление давления на партнеров РФ.

БУДУЩЕЕ И ЕГО СЦЕНАРИИ С УЧЕТОМ РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Переформатирование мировой политики продолжается. Тенденции сотрудничества и конфронтации находятся в неустойчивом равновесии, которое в любой момент может быть нарушено, в том числе за счет силовых акций или нарочитого вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Поэтому позиционное противостояние в формате «мягкой (условной) биполярности» в краткосрочной перспективе продолжится.

Перспективы преодоления украинского кризиса в ближайшее время незначительны, поскольку привлекаемые Киевом иностранные ресурсы и сложившаяся де-факто система внешнего управления Украиной обеспечивают комфортный уровень существования для высшего слоя правящих кругов, а на региональном уровне, благодаря аграрному сектору, вполне приемлемый и для среднего звена украинской элиты. Существует вероятность «замораживания» украинского кризиса, по крайней мере до американских президентских выборов 2016 г., в его современном состоянии, объективно невыгодном для России [6]. Необходимо исходить из той реальности, что на западных российских границах усиливается фактор военных угроз, расширяется недружественное иностранное присутствие и растет вероятность провокаций в буферной зоне, которую представляют собой ДНР и ЛНР, а также ПМР.

Возможности обеспечения российских интересов в условиях современной ситуации связаны в равной степени с успехами во внутренней и внешней политике, поступательным социально-экономическим развитием и энергичным позиционированием на международной арене с использованием «жесткой» и «мягкой» силы.

A NEW LOOK OF WORLD POLITICS: REFORMATTING THE POST-BIPOLAR SPACE

*Ksenia P. Borishpolets, Ph. D. (Political Science), Professor, Department of World Politics
Leading Research Associate, Centre for Post-Soviet Studies, Institute for International Studies,
MGIMO University, 76 Vernadsky Ave, 119454, Moscow. E-mail: oksabor@mgimo.ru*

Summary

The article evaluates the qualitative changes in world politics during 2014-2015.

In the last two years the system of international relations encountered significant difficulties. Contradictions accumulated in different spheres of world politics that were usually treated as latent, arose in the agenda. The starting point of this transformation was the Ukrainian crisis. However, the further events force one to reassess not only its direct consequences but also wide processes at the global level. One of them is deterioration of relations between Russia and Western countries, increase of influence of large non-Western markets and strengthening of turbulence in developing countries. Project of the unipolar regulation, promoted by the US, demonstrates its ineffectiveness. The main point here is inability of the US to secure the stability of the international system without real consensus of all world powers. We witness an active blend of traditional and new challenges to the international security that decreases the controllability of the situation, first of all in regional segments of the world, Middle East and Europe in particular. These processes give ground for reformatting of the world development, and post-bipolar world politics is gaining a new face. We speak not about going back to pre-crisis order, but about step-by-step elimination of the American hegemony in global

and regional decision-making. There will be deepening of the fragmentation of the world politics and growth of strife of the international relations that may continue in the mid-term perspective.

Keywords: *world policy, Ukrainian crisis, unipolar hegemony, multipolarity, political-military turbulence.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Александров М., Гаргаш А. Ближний Восток на пороге большого передела // Портал ЦентрАзия. URL: [www:http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1455004620](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1455004620)
2. Вавилов А. И., Зинин Ю. Н., Казанцев А. А., Крылов А. В., Орлов А. А., Федорченко А. В., Чечевишников А. Л., Ярлыкапов А. А. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы / Под рук. А. А. Орлова // Аналитические доклады. – М.: ИМИ МГИМО. Вып. 1 (45), Январь, 2016.
URL: [www: http://elibrary.ru/item.asp?id=21426752](http://elibrary.ru/item.asp?id=21426752)
3. Лукин А. В. Российско-китайское сближение и структура международных отношений в АТР // Ежегодник ИМИ. Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы. – М.: ИМИ МГИМО, 2015. Вып 4. (14). URL: [www: http://imi-mgimo.ru/images/pdf/End--414-2015.pdf](http://imi-mgimo.ru/images/pdf/End--414-2015.pdf)
4. Казанцев А. А., Медведева С. М. Эволюция локальных человеческих цивилизаций и проблема распространения норм в системе международных отношений // Ежегодник ИМИ. Меняющийся мир и российские интересы. – М.: ИМИ МГИМО, 2015. Вып 1 (11). URL: http://mgimo.ru/files2/y10_2015/277821/book_1_11_15.pdf.
5. Кудряшова Ю. С. О проявлении неосманских амбиций в современной региональной политике Турции // Ежегодник ИМИ. Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы. – М.: ИМИ МГИМО, 2015. Вып 3 (13). URL: http://mgimo.ru/upload/2016/02/kniga_3_13.pdf
6. Лавров С. В. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе дискуссии на 51-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 7 февраля 2015 года.
URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/5E26BDE162FEC0E643257DE5004B5FE0
7. Орлов А. А. Россия в океане мировой политики // Ежегодник ИМИ. Актуальные проблемы современной мировой политики. – М.: МГИМО-Университет, 2015. № 3–4 (5–6).
URL: http://old.mgimo.ru/files2/y04_2014/250077/ejegodnik_3-4_5-6_2013.pdf
8. Путин В. В. Речь на заседании клуба «Валдай». Текст выступления. URL: [www:http://putin.ru-an.info/новости/владимир-путин-на-заседании-клуба-валдай-текст](http://putin.ru-an.info/новости/владимир-путин-на-заседании-клуба-валдай-текст)
9. Сатановский Е. Аллах, пошли им паритет. Гонка вооружений между Ираном и Саудовской Аравией // Портал ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1457594340>
10. Сафранчук И. А. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. 2015, № 8.
11. Сергеев В. М. Проблемы европейского кризиса // Ежегодник ИМИ. № 3–4 (5–6). Актуальные проблемы современной мировой политики. – М.: МГИМО-Университет, 2013.
URL: http://old.mgimo.ru/files2/y04_2014/250077/ejegodnik_3-4_5-6_2013.pdf
12. Торкунов А. В. Выступление на Петербургском экономическом форуме (2015). URL: <http://old.mgimo.ru/news/university/document275147.phtml>.